

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

Н. В. Черникова

В философии идеология (от греч. *idea* – идея, *logos* – учение) определяется как отражение общественного бытия сквозь призму социально-групповых или классовых интересов. Назначение идеологии – в выработке систем ценностей, в обосновании того, что должно быть и чего не должно быть в социальном мире [2, с. 55]. Отталкиваясь от этого определения, проследим, какое значение придавалось идеологическому аспекту русскими исследователями античности при освящении событий Пелопоннесской войны.

В дореволюционной историографии выдвинутое спартанскими послами афинянам условие сохранения мира («...если вы оставите эллинов автономными» – Фукид. I, 139, 3) оценивается как стремление Спарты выступить в роли защитницы свободы и самостоятельности подвластных афинской гегемонии полисов. Отметим некоторые нюансы в использовании терминов исследователями. Так, В. П. Бузескул говорит о требовании Спарты вернуть независимость всем эллинам – афинским союзникам – от «тирании» Афин [4, с. 101]. Я. Г. Гуревич отмечает в приведенном выше требовании послов расчет Спарты на «сильное нерасположение к Афинам некоторых из полуневольных союзников и подчиненных им колоний» [7, с. 92]. Р. Ю. Виппер, как и В. П. Бузескул, называет отношение Афин к союзникам тиранией [5, с. 304]; война Спарты против Афин, по его мнению, была «по идее своей и официальной формулировке «освободительной» [6, с. 377]. Автономия же, обещаемая спартамцами городам, готовым отпасть от Афин, означала прекращение взносов, тяжесть которых в основном ложилась на «зажиточный класс». Этим Р. Ю. Виппер объясняет склонность олигархии перейти на сторону Спарты и, соответственно, отсутствие сочувствия спартамцам в рядах демоса [6, с. 330].

В. Ведров, опираясь на данные Фукидида, приходит к мнению, что гегемония афинян была основана на насилии [5, с. 35]. Это противоречит мнению П. Люперсольского, утверждающего, что гегемония «в руках афинян обратилась в действительное господство их над союзниками, которые стали к ним в отношении почти совершенного подданства. Это произошло как бы само собой, без прямого и намеренного домогательства или насилия со стороны афинян» [11, с. 66].

Г. И. Аландский также говорит о постепенном превращении союзников Афин в их подданных [1, с. 427].

П. Люперсольский дает определение гегемонии: это «...не более, как только старейшинство, первенство одной республики над другими с ней союзными; в мирное время такому первенствующему государству принадлежало председательство на союзных собраниях, право созывать их и частью – исполнительная и распорядительная власть по выполнению решений, постановленных в собрании союзников; в военное время этому государству принадлежало главное начальствование над союзными войсками. Это было почетное право, не заключавшее в себе ничего принудительного, основанное на добровольном согласии союзных государств...» [11, с. 66].

М. Стасюлевич подробно рассматривает афинскую гегемонию и приходит к выводу, что «...причина отложения союзников от Афин состояла не в строгости последних, как это утверждает и Фукидид, но в стремлении первых к тому, что у греков называлось *neoteridzein*» [13, с. 92], к новизне, т. е. к перемене существующего демократического строя на олигархический.

Р. Ю. Виппер уделяет особое внимание имевшим место накануне Пелопоннесской войны фактам использования религиозных положений в политических целях. Так, выдвижения спартанцами требования изгнать виновных в кощунстве против богини Афины, совершенного за 200 лет до Пелопоннесской войны, исследователь называет религиозно-дипломатической демонстрацией, рассчитанной на усугубление пошатнувшегося положения Перикла, против друзей которого в это время в Афинах был организован ряд процессов; целью спартанцев был внутренний переворот и свержение Перикла. Использование религиозных обвинений для достижения политических целей Р. Ю. Виппер расценивает как явление, свойственное «тогдашней дипломатии» [6, с. 302], потому требование афинян в ответ спартанцам изгнать виновных в кощунстве против Афины Меднодомной, неудивительно.

По мнению Р. Ю. Виппера, в рассуждениях Аристофана и Плутарха относительно виновников в развязывании войны имеет место неправильная перестановка фактов: «В действительности не процессы заставили Перикла добиваться войны, а, напротив, воинственная политика принудила противников, олигархов и вождей сельской партии, искать средств, чтобы свергнуть его» [6, с. 303]. Имеются в виду процессы (автор справедливо называет их религиозно-политическими) против скульптора Фидия, ученого Анаксагора и жены Перикла Аспасии.

Р. Ю. Виппер делает разграничение, как видно из приведенных выше примеров, между религией и истолкованием ее положений для достижения определенных целей. М. Стасюлевич, рассматривая спартанский суд, отмечает возможность действий вопреки принятым большинством голосов решениям посредством использования религиозной формулы «если тому не будут противиться боги или кто-нибудь из героев» [13, с. 50].

В. Ведров ссылку афинян на «право сильного» и их утверждение в разговоре с мелиянами о неразумности обращения к мантике и предсказаниям расценивает как нерелигиозность и презрение к обрядам своей религии [5, с. 27]. В то же время Е. Г. Кагаров говорит о подъеме религиозного чувства в афинском обществе в V–IV вв. до н.э. Афиняне представляются ему носителями истинного благочестия [8, с. 4]. В сохранении верности религии отцов Е. Г. Кагаров видит национальную афинскую идеологию [8, с. 5]. Спорным представляется использование автором в данном случае термина «национальная». Но если Е. Г. Кагаров употребляет этот термин в отношении афинян, то В. П. Бузескул предполагает наличие чувства национального единства, заглушаемое взаимной ненавистью, у государств, принимающих участие в Пелопоннесской войне (на стороне Афинского морского или Пелопоннесского союзов) [4, с. 104]. Н. Кареев зародыши некоторого единства греков видит в таких религиозных учреждениях, какими были прорицалище Аполлона в Дельфах, олимпийские и другие игры и амфикионов союз. Основой общенационального греческого единства он называет победу над персами и вызванные ею «нравственное над ними превосходство» и «гордость своими преимуществами» [9, с. 70].

Р. Ю. Виппер также говорит о национальном сознании греков, для которого «...условия, и само существование договора с персами (412 г. до н. э.) составляли факт огромной важности и, можно сказать, уничтожающего значения. Все, чем так гордились греки со времени великой освободительной войны, было вычеркнуто установителями соглашения» [6, с. 377].

По мнению С. Я. Лурье, Аристофан, Фукидид и Лисий упоминают общие алтари и празднества, проповедуя единение эллинов и считая их войну между собою позором, не из религиозных соображений: «...эти празднества, где собирались все эллины состязаться в духовной области, были символами культурного единства». С. Я. Лурье считает, что и ненависть к персам не имела характера национальной вражды у греков, а была вызвана сознанием высокого культурного превосходства последних [10, с. 200].

Ф. Мищенко ярко описывает картину нравственного упадка в греческих полисах периода Пелопоннесской войны: внутрисполитическая борьба большинства с меньшинством доходит до измены родине, до заговора с внешним врагом против родного полиса; право отрицается в пользу насилия – воюющие стороны обосновывают свои действия «по праву силы» [12, с. 170]. В. П. Бузескул ссылается на Гесиода, который жаловался, что правды на земле нет, и торжествует сильнейший. Философы «века просвещения» дают такому порядку вещей обоснование [3, с. 48]. Историка больше удивляет попытка «...в Греции в середине V в. до Р.Х. улаживать столкновения между государствами путем соперничества, мирного третейского суда» [3, с. 50].

В итоге следует заключить, что применение понятий «религиозно-дипломатическая демонстрация» Р. Ю. Виппером, «национальная афинская идеология» Е. Г. Кагаровым, «культурное единство эллинов» С. Я. Лурье позволяет считать правомерным и отражающим данные источников и использование современными историками термина «идеологическое обоснование» Пелопоннесской войны.

Литература

1. Аландский Г. И. История Греции. Киев, 1899.
2. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник. М.: Проспект, 2003.
3. Бузескул В. П. Античность и современность. СПб., 1914.
4. Бузескул В. П. Перикл. СПб., 1889.
5. Ведров В. М. Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз (с мая 415 до сентября 413 г. до Р.Х.). СПб., 1857.
6. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. М., 1916.
7. Гуревич Я. Г. История Греции и Рима. СПб., 1894.
8. Кагаров Е. Г. Религиозные и нравственные воззрения аттических ораторов. Пг, 1915.
9. Кареев Н. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). М. 1896.
10. Лурье С. Я. Вопросы войны и мира 2300 лет тому назад // Летопись. Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. 1916. № 6.
11. Люперсольский П. И. Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла. Киев, 1877.
12. Мищенко Ф. Г. Опыт по истории рационализма в древней Греции. Рационализм Фукидида в истории Пелопоннесской войны. Ч. 1. Киев, 1881.
13. Стасюлевич М. М. Афинская игемония. СПб, 1849. 94 с.